

Второй том «Этимологического словаря словенского языка» Ф. Безлай представляет следующий фрагмент словенской лексики в объеме *K—O*. При первом же знакомстве со словарем видно, что в нем в полной мере проявляются принципы, которые уже освещались нами в свое время в связи с выходом в свет первого тома словаря (1976 г.)¹. Специального внимания и самого глубокого изучения в словаре заслуживает богатство лексического материала. Автор по-прежнему широко использует и включает в словарь лексику многочисленных словенских диалектов, во многих случаях прослеживается представленность слова в старых словарях Похлина, Мегизера, Гутсманна и т. п., приводятся данные из древних рукописей с указанием времени первой фиксации. Эти сведения по истории слова в какой-то мере восполняют отсутствие исторического словаря словенского языка (ср. для примера *kázen* II ‘наем’, *kladnica* ‘топор’ и т. п.). Ф. Безлай, известный исследователь и глубокий знаток славянской ономастики, привлекает данные словенской топонимии и гидронимии в качестве одного из источников утраченной или утрачиваемой аппелятивной лексики (ср. топ. *Kucelj*, *Kneja*, *Krog*, *Kučavič*, *Mosle*, *Luttich* и т. п.). Важной составной частью словаря является ботаническая номенклатура, автор обнаруживает незаурядные познания в области народных названий растений. В целом опубликованные тома словаря являются ценным и, пожалуй, наиболее полным источником сведений о словенской лексике. Значительный слой лексики второго тома приходится на заимствования разных эпох преимущественно германского происхождения. Для нас наибольший интерес представляет исконная лексика, этимологизация которой тесно связана с проблемами внутриславянских соответствий и славянской лингвогеографии, праславянского лексического диалектизма и реконструкций исходной основы. Словенская лексика, освещаемая в широком контексте славистических проблем, дает много нового, интересного материала для размышлений и выводов о диалектной структуре праславянского, взаимоотношениях праславянских диалектов с индоевропейскими языками и диалектами. Древние унаследованные явления, праславянское прошлое словенского языка в центре внимания исследователя.

В плане этногенеза словенского языка, и точнее тех диалектов, которые составили древнюю основу будущего словенского языка, решается проблема сепаратных изогlossenных связей словенского языка. В этимологических исследованиях Ф. Безлай, разрабатываемых под этим углом зрения, особо выделяются словенские лексемы с исключительно западно- или восточнославянскими соответствиями. Но, пожалуй, центральной для Ф. Безлай является проблема сепаратных словенско-балтийских изолекс. Словенский язык, обнаруживающий в ряде случаев соответствие только в балтийских языках, предстает как область консервации древних основ, утраченных на остальной славянской территории. Поискам таких лексических архаизмов словенского языка подчинены этиологические работы Ф. Безлай². Во втором томе этимологического словаря можно найти немало словенских лексем, для которых ближайшие соответствия существуют только в балтийских языках. Таковы, по мнению Ф. Безлай, словен. *kárjice* мн. ч. ‘клюка’ и лит. *pakorė* ‘виселица’ (< и.-е.* (*s)ker-* ‘резать’); *klátiti se* ‘скитаться, бродяжничать’ и лит. *klýsti*, *klajótí* то же; *lôditi* ‘обмануть’ и лит. *lóstí*, *lôda* ‘привередничать, быть распущенными’ (< и.-е. **led-*); *odnës* ‘навес крыши’ (< *o-dátmn-esъ*) и лтш. *nämas*, лит. *näamas* ‘жилой дом, очаг’; *obnat* ‘сначала’ (< **nem-/nōm-*) и лит. *níotoma*, *níotopé* ‘взгляд, мнение’; *mólkel* ‘глухой (о голосе)’ и лит. *smélkti* ‘увянуть’ и многие другие. Следует заметить, что выводы о характере языковых связей находятся в прямой зависимости от успехов этимологии, результатов этимологического анализа. Многие из сепаратных словенско-балтийских изолекс Ф. Безлай основываются на семантическом сходстве словенских и балтийских слов. Исключительно в силу неразработанности внутриславянских связей словенские лексемы получают статус изолированных праславянских лексических архаизмов. Если обратиться к упомянутым выше соответствиям, то нетрудно заметить, что при более глубоком и всестороннем рассмотрении они теряют изолированный характер и оказываются включенными в систему более широких славянских связей и отношений. Так, для словен. *mólkel* необходимо

димо исследовать возможность родства со слав. **tъlъčati*, а словен. *lóditi* едва ли можно рассматривать в отрыве от слав. **ludъ* 'глупый'. Словен. *kláti* 'бронзничать, скитаться' этимологически тождественно *klatiti* 'сбивать плоды с дерева', ср. семантически сходное рус. диал. *колотиться* 'стучаться, стучать' и 'шататься без дела, без цели, бить баклуши' (Филин 14, 180—181). Что же касается *odnës* 'навес крыши', то это, скорее всего, производное от гл. *odnesti* 'вынести, отнести в сторону'. В этимологических работах Ф. Безлай основной упор делается на поиски индоевропейских связей, на реконструкцию индоевропейской праформы. Процесс семантической эволюции, вопросы словообразовательной структуры слова, отношение производящей и производной основ, направление словообразовательных связей — эти и многие другие вопросы истории праславянского языка остаются за пределами внимания автора. И в этом, несомненно, сказывается слабая изученность словенской лексики, неразработанность исторической лексикологии, отсутствие диалектных словарей, т. е. отсутствие той материальной базы, которая обеспечивает надежность и достоверность этимологических решений. Большой опыт этимологических исследований, этимологическая интуиция и прекрасное владение фактическим материалом помогают автору преодолеть многие объективные трудности и наметить верные пути этимологических поисков.

Словарь несет на себе печать неповторимой творческой индивидуальности автора, одного из ярких последователей чешской этимологической школы. Методика этимологических исследований этого направления базируется на принципе семантического тождества сопоставляемых единиц, допущении нерегулярности фонетических изменений и контаминации основ. Особенно большая свобода фонетического вариирования допускается для звукоподражательных образований. Так, для примера укажем, что словен. *luskati* имеет в словаре несколько вариантов и в их числе *hlistati*, *hlískati*, *loskati*, *leskati*, *lupati*, *lopati*, *lepeti* (с. 157). В соответствии с концепцией автора для некоторых случаев допускается чередование *ē/ā*, *ō/ă*: ср. *kača* 'змея' < **kōkia* < и.-е. **keuk-*'кривить, изгибаться'; *mūlj* 'мелкий песок', связываемое чередованием с лит. *mēlas*. Особенность второго тома, пожалуй, составляет то, что исследуемое слово подается нередко в окружении синонимов, но назначение их остается неясным. Так, для словен. *lēv* 'левый' даются синонимы *šij*, *čitra* (< ит. *zotopo*), ст.-чеш. *kršnē*, польск. *warda*, рус. *пакша*; диал. *lákotnica* 'почка' соотносится со словами *tišina* и *slabina*; рядом с *litka* 'голень' находим в том же значении *bodel* и т. д. Во всех случаях (исключения единичны — ср. *mazúr*) автор ограничивается констатацией синонимов и не делает попыток выявить принципы семантической организации синонимического ряда. В словаре сочетается гнездовой принцип с аналитической, раздельной подачей отдельных лексико-семантических производных. По сравнению с первым томом немногочисленны случаи, когда лексикализованное производное рассматривается лишь в гнезде родственных образований и не имеет отдельной самостоятельной статьи. К числу таких случаев могут быть отнесены *kar* 'ссора', которое помещается в статье на *karati* II, *otáviti* 'окрепнуть', упоминаемое в связи *otava* 'трава, склоненная во второй раз'. Не всегда ясны принципы, которыми руководствуется автор при выборе слов, требующих самостоятельного рассмотрения. Так, из гнезда слов, объединяемых глаголом *klasti*, существительное *klaja* 'корм для скота' < **kladja* выделено, оно получает отдельную статью, а синонимичное ему *klást* оставлено без внимания, хотя оно представляет старый тип отлагольных производных с суф. *-ty*, получившим некоторое развитие именно в словенском языке (ср. *obrest*, *opast*, *kolomast* и т. п.). При этимологизации автор в основном ограничивается обзором уже известных истолкований, в ряде случаев выделяя одно из них как возможное или вероятное. Значительная часть слов идет с пометами «неясно», «сомнительно». Этимологическая информация разными своими частями входит в статьи, посвященные родственным словам, но нередко наблюдается избыточное повторение цитируемой литературы (ср. *kár* 'скала' и *karati*, *kapar* и *kršelj*, *krapavica* и *krapati* и др.).

Несомненным достоинством словаря является то, что он вводит в практику этимологических исследований большой пласт словенской лексики — редкие диалектизмы, архаизмы, почерпнутые из старых словарей, слова, не привлекавшие внимание этимологов. Среди них можно отметить *kaho* 'копыто', *kolinka* 'колоуль' (только в XVIII в. у Похлина и Гутсманна), *krhati* 'быть . толочь',

диал. *kāv*, *kōva*, *kōvu* < **kōv*, мест. (ср. у Плутершиника *nékov*, *nekóv*), *kola* 'кличка овцы', *kras* 'círculus, orbis' (в начале XVIII в.), диал. *ložesna* 'uterus' (Триест), *oprati* 'поводья' (ср. у Плутершиника *opfta*), *lezika* 'щель, трещина', *lozen* 'потертый, изношенный', *opjetje* 'окружность' (XVIII в., только у Гуттманна), *napost* 'тщеславие' (из словарной картотеки Миклошича), *nudmī* нар. 'vi necessario' (Фрейз. отр. III, 31), *osob* 'кнут, бич' (Гуттманн, Ярник) и т. п. Некоторые апеллативы восстанавливаются на основании топонимов: ср. *Kneja*, *Kujavic*, *Klek*, **opolje* и т. п. Впервые привлекаемые данные словенского языка в одних случаях позволяют расширить и уточнить ареал славянских соответствий (ср. *obruten*, *osoniti*, *Kneja*), в других дают новое подтверждение для редких, слабо засвидетельствованных основ (ср. **kōv*, *oprati*, *lozen*). Нередко словенские лексемы сохраняют архаичное состояние семантики, и этот момент очень важен при реконструкции исходного значения и общей семантической эволюции слова (ср. *mleden*, *molkel*).

Словенская лексика содержит много этимологически трудных случаев. И если этимологические истолкования, предлагаемые словарем, не всегда и не во всем удовлетворяют, то нельзя не признать, что они усиливают внимание к нерешенным вопросам, побуждают к новым поискам. Наши попутные замечания и уточнения касаются следующих слов.

karati 'крошить, зазубрить' (< и.-е. *(s)ker- 'резать')дается с пометой «только словен.», но ср. укр. карп. *карати* 'бить, колоть (рогами)', н.-луж. *škaraš* 'ковырять', 'мешать, размешивать (угли)', 'подстrekать, возмущать', в.-луж. *škarač* с теми же значениями (Этимология 1978, 35—36).

К группе слов, объединяемых словен. *kávrna* 'шерсть, ворс', автор причисляет *zavrnki*, *závrnikí*, *zábrniki* 'бахрома'; последние входят, однако, в другое этимологическое гнездо с основой *vrtē(ti)/vrt(n)ti*, ср. укр. *кворток* 'прядка'.

kéra 'глыба, куча', *képiti* (se) 'собирать в кучу' идет с пометой «неясно, без определенных связей». Мало что объясняет предположение о вторичном характере начального *k* по типу слав. **pęstъ*: лит. *kùmstę*. Скорее всего словен. *kéra* родственно *kipr* 'громада, куча' (~лит. *kaipas* 'куча') и отражает корень **kъpr-* с гласным в ступени редукции, ср. лит. *kiperià* 'небольшая копна сена' (Фасмер II, 418—419).

Едва ли правомерно разграничивать *kila* I 'hernia' и *kila* II 'слабый, трус'. Это этимологически тождественные основы, а взаимосвязь значений 'нарост' и 'слабый' хорошо прослеживается на примере рус. диал. *кýléty* 'чахнуть от наростов — кил (о растениях)' (Филин 13, 207: «об особом роде болезни растений, когда недоразвившиеся вилки капусты как бы окаменевают»), *кýlováty* 'болезненное вздутие, припухлость' и 'с наростами (о растениях)' (Там же, 208).

kinkati 'древматить, качать головой' в одном случае соотносится с **kyvatı* (см. *kimati*, *kiniti*), в другом — с рус. *кунять* 'древматить'. Сближение с рус. *кунять* препятствует корневой вокализм. По всей видимости, словен. *kinkati* — экспрессивное преобразование *kimati*, *kiniti*. Семантически ср. рус. диал. *киéаться* 'качаться, шататься, колебаться', 'ходить медленно (о больном)', 'древматить', 'лениться' (Филин 13, 195).

kleštáti 'хромать, ковылять' связывается с польск. *kliszawu* 'хромой' и родственными ему образованиями, для которых Славский восстанавливает праслав. **kliša*: **kliša* 'клешня рака' (Slawski II, 228). Но при этом остается нераскрытым словообразовательная структура словенского слова. Вызывает сомнение реконструкция того же корня с гласным в ступени редукции **kli-* для словен. *koleštáti* 'неуклюже ходить'. Приведенное в этой же статье словен., с.-хорв. *кайк*, *kléh*, *kléha* 'клик у свиньи' имеет, как известно, другую этимологию: оно родственно рус. *клик* и связано чередованием со слав. **kolti* (Skok II, 92). Не совсем понятно, почему в этой статье (с. 143) словен., с.-хорв. *кайк*, *klisati* 'бежать, мчать' признается родственным польск. *kliszawu* 'хромой', а на с. 43 tolкуется совершенно иначе.

kloča церковный колокол, как и *kloka* в том же значении, восходит, видимо, к ср.-лат. *clocsa* и потому должно быть отграничено от *kločiti* 'гибать, гнуть', которое автор, вслед за Славским, связывает со слав. **klekti*.

kob 'гребень горы, mons longe extensus' и, видимо, родственное ему *kobūl* 'глыба, куча; кисть' могут получить объяснение в рамках этимологического гнезда с корнем *(s)*kob-* (< и.-е. * (s)ke(m)b- 'гибать, искривлять'), объединяю-

щего рус. диал. *кобёня* ‘крюк’, *кобицы* ‘выбоины от лошадиных копыт’, *кобло* ‘пень’, ‘ствол дерева’, чеш. *kobiti se* (Этимология 1979, 34–37). Ту же основу с корневым *e* можно предположить для рус. диал. *чоблок*, *чёблок* м. р. ‘слега, жердь’ (астр., каз.) (Даль³ IV, 1355).

kōčna ‘цепь, которой привязывают скот в хлеву’ производится из *kotyścą* < *<kotyścь* ‘угол в хлеву’. Более вероятной представляется соотнесенность словен. *kōčna* с *kocina* ‘грубая, редкая шерсть’, с.-хорв. *kocelj*=*kocalj* ‘хвост’, ‘плетеная коса’ (Skok II, 118), родственным слов. **kocānъ* (Фасмер II, 356).

kočljiv ‘привередливый в еде’, *kočljivo vprašanje* ‘вопрос, на который трудно ответить’ едва ли связано с с.-хорв. (*u*)*kōčiti se* ‘затвердеть’ (ср. еще словен. *skočanjiti se*, *skōcati* в том же значении), которое считается производным от *kōčan* ‘кочерышка, стебель’. Для *kočljiv* можно предположить развитие из **kostylivъ*,ср. словен. *kōčka* < *kostka*.

kōlk ‘коха’ этимологически должно быть ограничено от чеш. *kyčel* ‘бедро’,польск. *giczał* ‘большая берцовая кость’, которые, как можно думать, продолжают не основу **kъlk-* (Machek², 313), а **kuk-*, связанную чередованием с **kъlk-*,ср. серб.-цслав. *къкъ* *хълтъ*, словен. *kēka*, *kēčka* ‘коса’ и т. п. (Фасмер II, 231).

kolobár ‘круг, обруч’ не имеет ничего общего с рус. *колоб(ок)*, которое восходит к и.-е. *(*s)kelb-*³. Корень *(*s)kelb-* отражает упоминаемое в этой статье словен. *sklabotina* ‘нанос, наплыv’, а также *šklabati* ‘шлепать, шагать’, *sklabušiti se* ‘спутаться, смешаться’.

Нет необходимости выводить словен. *kolobótati se* из *kolo-mot-*. Сложение *kolo-botati* (ср. гл. *botati*) такое же полноправное, как и *kolomazati*, с.-хорв. *kalamútiti*, рус. *колобродить*.

Для *kolomást* ‘колесная мазь’ предполагается первоначальная форма **kolomazъ* или **kolomazъ*. Правильнее было бы определить словен. *kolomást* как производное с суф. *-tъ* от глагольной основы (Słownik prasłowiański II, 44).

korpnéti ‘изнемогать (от ревности, страха, гнева); томиться, ждать’, чеш. *korpnéti* ‘застыть в ужасе, нетерпеливо ждать’ этимологически может быть истолковано как сочетание приставки *ko-/če-* с основой, известной в разных апофонических вариантах, в значении ‘торчать, топорщиться’. Структурно и этимологически близкий тип основ представляют слав. **ser'gypnъj/*ser'gypnъj* (ЭССЯ 4, 56–60).

Для словен. *krécati* ‘поворачивать (воз, сани)’, *krécati* ‘избегать ч.-л.’ и *króčiti* ‘кривить, изгибать’ неправильно, на наш взгляд, восстанавливается корень **krék-/*krók-*. Основанием для реконструкции этого корня служит сравнение с рус. диал. *крякла* ‘саны’, *крякли* ‘род ошейника (для свиней)’, но русские образования скорее связаны с **krakъv-/*krokъv-* ‘станица, жердь, стропило’. Словен. *krécati*, *króčiti* принадлежат к другому этимологическому гнезду с корнем **kret-/*krot-*,ср. рус. *крятать* ‘трогать, двигать’, словен. *kretati* ‘поворачивать, вертеть’ и рус. *круты*.

kréčiti ‘расставить ноги’ следует отделить от предыдущего *krécati*, *kréčati* ‘поворачивать’. Словенское слово вместе с.-хорв. *raskréčiti* ‘расставить ноги’, болг. диал. *крёча се* ‘ходить раскорячась’, а также др.-рус. *кrekнастый* ‘коренастый’ продолжают праслав. **krek-/*krec-* ‘раздвоенное дерево, разветвление’, связанное чередованием с **krokъ* ‘шаг’⁴.

krada ‘громада, куча’ толкуется без учета новых диалектных данных, содержащихся в словаре Славского (Sławski III, 152).

křkniti ‘окоченеть’ едва ли может быть отнесено к изолированным фактам лексики словенского языка. Словенское слово родственно с.-хорв. *skřknuti se* ‘затвердеть (о teste)’, *skrkuljiti se* ‘изогнуться’, рус. диал. *окбркнуть* ‘озябнуть’, продолжающим **kъrk-/kъrč-* (ср. рус. *корчиться*).

Неубедительно сближение *króba* в значении ‘сильный источник’ с ц.-слав. *кракъ* ‘*parvus*’, болг. диал. *крап*, *къръп* ‘короткий’. Видимо, нельзя рассматривать *króba* ‘источник’ в отрыве от *krôp* ‘кипящая вода’, *kropati* ‘клокотать’.

kršélj ‘*Pediculus pubis*’ и с.-хорв. *kršelj* ‘*Ixodes ricinus*’ даются в одном ряду со словен. *krpělј*, с.-хорв. *škrpelj*, *krišpa*, болг. *кърлеж*, *кáпуш* с теми же значениями. Отношения этих слов остаются неясными. Сближеная *kršélj* и *krpělј*, автор, видимо, исходит из предположения Скока о том, что с.-хорв. *kršelj* = *kršijelj* развилось из *krpelj* путем замены *p* > *š*, а *krpelj*, в свою

очередь, восходит к *krljep*, *krlja* (Skok II: *kṛpaša*, *kṛlj*, *kṛhak*). Этимология Скока, допускающего сложные фонетические преобразования и контаминацию основ, очень неубедительна. Можно допустить, что словен. *kršelj*, *krpelj* вместе с соответствующими сербохорватскими словами произведены от разных основ с общим значением 'нечто маленькое', а именно **k'k'rx* (Berneker I, 630—631), **k'k'rga* (ср. с.-хорв. *k'k'ra* 'кусок'), *k'k'patiti* 'мельчить, дробить'). Ср. семантически **molj* ~ **melti*.

Трудно принять сближение словен. *lahāt* прил. 'неровный, разбитый на части' с с.-хорв. *lahati* 'бежать', которое родственно словен. *lohnēti* 'хотеть, преследовать', польск. диал. *lochać* 'бегать, рыскать' и т. п. (Sławski IV, 3, 320). Не приводятся причины, по которым отвергается сопоставление словен. *lahāt* с рус. *лохмотья*, польск. *łach*.

lihniti в значении 'оставить, отделяться от к.-л.' связано, видимо с *lisiti*, *lih* (ср. Фасмер II, 507, 505). Сопоставление с чеш. диал. *liskati* 'треснуть' может быть принято лишь для словен. *lihniti koga za iho*, *lihati* 'дать пощечину'.

Нет необходимости принимать для словен. *lobáňja* и *lubánja* 'calva' смешение разных основ **l'ybъ* и **lubъ*. Обе основы развились из и.-е. **leubh-* 'лущить, снимать кору' и отражают разные ступени чередования корневого гласного. Семантическое обоснование см.: Sławski V, 2, 91—93.

Следует отделить словен. *lózen* 'потертый' (ср. *suknja je lozna*) от *položen* 'пологий', *zložen*, *položina* 'терраса', последние содержат корень **log-* (~ *lezati*). Словен. *lózen*, для которого в словаре отмечена возможность родства с **lezti*, *laziti*, интересно тем, что если это не заимствование (Sławski), то оно расширяет ряд продолжений апофонического варианта с корневым *o*: ср. чеш. диал. *loziti* 'лазить', с.-хорв. *loziti se* 'цепляться, взбираться — о горохе и под.', возможно, рус. *елозить* (Этимология 1970, 57).

Трудно согласиться с этимологическим разграничением словен. *lono* 'лоно', *lónja* 'обруч на колыбели' и *lónica* 'копна сена на лугу', 'приспособление из веток для спуска груза с горы', 'округлость горы'. Можно считать вполне доказанной идею развития слов. *lono* из **logsno* (ср. ст.-слав. ложесно 'утроба, матка'). См. Фасмер II, 517⁵. Общее значение 'ложе, основание' позволяет объединить словен. *lono* и *lónja* 'обруч на колыбели', ср. семантически близкие укр. *лінок* 'одна из перекладин в ткацком станке, через которую перетягивают полотно на навой', блр. *улінкі* мн. ч. 'та часть руки, на которой носят ребенка'. Что касается словен. *lónica* и с.-хорв. чак. *lónica* в значении 'стог сена', для которых еще известны варианты *lomnica* и *lovnica*, то все эти образования тесно связаны с с.-хорв. *lötmača* 'куча, громада', *lomnica* с развитием *mn* > *vn* (ср. с.-хорв. *lomni*=*lovní* — Skok II, 316) и дальнейшим упрощением *vn* > *n*. Словен. *lónica* в качестве обозначения плетения, сооружения из веток (т. е. некой основы) для спуска грузов сохраняет исконную связь со слав. **lono*. Таким образом, можно думать, что в *lonica* произошло слияние двух омонимов: 1. *lonica* < *lomyńica* и 2. *lonica* < *lono*.

В связи со словен. *mēvža* 'нерешительность; боязливый' заслуживают внимания близкие по структуре рус. диал. *мельзить* 'казаться неясным, дрожащим вдали от преломления световых лучей', 'мелькать в воображении', *мелюзить* 'рябить в глазах; неясно виднеться; надоедливо мелькать перед глазами' (Филин 18, 104, 106). Русские диалектизмы проясняют внутреннюю форму этих слов, указывают на соотнесенность с гл. **melti*: ср. *мелюз* 'крупный, плохо очищенный сахарный песок' (тул.), *мелюз* 'мелкий окунь' (твр.), *мелюзоватый* 'мелкий' (пск., твер.) (Там же). В словен. *mēvža*, рус. диал. *мелюз*, *мелюз* можно видеть экспрессивное производное от гл. **melti*. Такое истолкование снимает многие трудности, с которыми сопряжено, в частности, сближение рус. *мельзить* и *мелькать* (Фасмер II, 596).

Гл. *motati* 'мотать, вертеть' рассматривается в кругу славянских и балтийских соответствий (ср. лит. *matūoti* 'мотать'), но при этом не учитывается производство слов. **motati* от **mesti*. Игнорирование этого факта приводит к ничем не оправданной реконструкции и.-е. корня **menth-*, который, как считает Ф. Безлай, отражается в слав. *motati* без назализации, с гласным *o* по чередованию.

Для *motovílo* 'устройство для наматывания ниток' правильнее было бы реконструировать праслав. **moto-vidlo* с суф. *-dlo*, а не *-tlo*.

Нет основания видеть в словен. *múriti se* 'прижимать уши (о лошади)', 'опускать голову' образование, этимологически отличное от гл. *muréti* 'хмуриться', прил. *muräv* 'капризный', 'хмурый'. Несомненно производность тех и других словенских обозначений от слав. **xtmura* (ЭССЯ 8, 44–45).

Неубедительно объяснение словен. *natéčen* 'надоедливый', *natek* ' зло, вред', *Netek*, имя демона, на основе сближения с гл. *tekniti* 'иметь вкус' < **tékñoti*. Следует обратить внимание на то, что производные образования с корневым **tek-/-tok-* (**tekti*) в ряде славянских языков развиваются значение 'злой, сердитый':ср. болг. диал. *stékay ce* 'сердиться, бесноваться', словен., хорв.-кайк. *tékel* 'бешеный, неистовый' (Skok III, 450), чеш. *vztekina* 'бешенство'. Форма *Netek* (вм. *Natek*) отражает, видимо, ассимиляцию слоговых гласных.

Представляется ошибочным сближение словен. *oblákovina* 'зеленая ореховая скорлупа' и *oblátovje* 'орех в зеленой скорлупе' и допущение родства с *obel* 'округлый'. В действительности эти слова продолжают разные основы: *oblákovina* соотносится с *vlakno*, *lákno* 'волокно', а *oblátovje* тесно связано с *vlat*, *lát* 'колос; кукурузный початок'.

Непреодолимые трудности фонетического и семантического характера создает сближение словен. *oščévati* 'колебаться, медлить' с продолжениями слов. **o(b)-ščédati* < **skend-*.

otínek 'тлеющие угли' прямо соотносится с гл. **téti*, *ténq* 'резать'. Словарь не отмечает ближайшие соответствия для словен. *otínek*, а именно — словен. и с.-хорв. *tinjati* 'слабо гореть', с.-хорв. *tinjac* = словен. *tinjec* 'слюда', с.-хорв. *stinjati* 'тлеть (об огне)' (Skok III, 472).

Нельзя не отметить и некоторые противоречия в истолковании слов. Так, *krapoti* 'парша, чесотка' на с. 82 производится от **korp-*, а на с. 101 (см. *křp*) сближается с **krъpъ/kъ* (ср. рус. *кропкий*). Прил. *lis* 'надоедливый, ленивый' на с. 143 сравнивается с лтш. *laiks* и возводится к и.-е. **leid-*, а в статье на *lisiti se* (с. 144) соотносится с *lis* 'лиса', что представляется более правдоподобным.

Из приведенного материала видно, что автор во многих случаях прямо проектирует словенские лексемы на плоскость индоевропейского языка и реконструирует для них индоевропейскую праформу, оставляя, таким образом, нереализованными возможности внутренней реконструкции на разных уровнях: на уровне собственно словенского языка, на уровне сравнительно-сопоставительного изучения славянской лексики и далее на уровне праславянского языка. Вместе с тем словарь сочетает в себе традиционный подход к этимологии с идеями и принципами новейших этимологических исследований с их первостепенным вниманием к цельнолексемным соответствиям, истории словообразования, иерархии значений.

Опубликованные два тома «Этимологического словаря словенского языка» — итог многолетней, напряженной работы известного слависта Ф. Безлая. Этимологические исследования словенской лексики, несомненно, обогащают общую славянскую этимологию. И можно только пожелать Ф. Безлаю успешного завершения огромного предприятия, каким является первый в истории славистики «Этимологический словарь словенского языка».

Л. В. Куркина

Примечания

- ¹ Куркина Л. В. Рец.: *F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga. A—J.* Ljubljana, 1976. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, 166—172.
- ² *Bezlaj F. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen.* — Linguistica, VIII/1, 1966—1968, 63—81.
- ³ *Варбом Ж. Ж. Славянские этимологии.* — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1975. М., 1977, 136—140.
- ⁴ Куркина Л. В. Славянские этимологии. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1982. М., 1984.
- ⁵ Мартынов В. В. Рец.: Ю. В. *Откупщикова. Из истории индоевропейского словообразования.* Л., 1967. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 250—251.